

АЛЁНА ПУЗЫРЬКОВА

Большая-река

ЛИШЬ БЫ ТЫ НИКОГДА НЕ УЗНАЛ,
ЧТО ЧИТАЕШЬ СЕЙЧАС ПРО СЕБЯ

Алёна Пузырькова

**Боль-река. Лишь бы ты
никогда не узнал, что
читаешь сейчас про себя**

«Издательские решения»

Пузырькова А. И.

Боль-река. Лишь бы ты никогда не узнал, что читаешь сейчас
про себя / А. И. Пузырькова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832793-3

Знать человека так давно; знать, насколько сложно ему без тебя, — но все равно не чувствовать ничего. Это самое страшное — абсолютное, полное безразличие к чьему-то горячему, любящему сердцу. Когда у тебя вроде бы ничего нет, кроме пустоты внутри, — но Его тебе все равно не нужно. Когда ты словно бы пылаешь вечным огнем — и потому не чувствуешь Его тепла. Когда в очередной раз понимаешь, что твое «навсегда», наверное, не придет никогда. А чужое — принимать нет смысла. Ибо не твое оно, не твое.

ISBN 978-5-44-832793-3

© Пузырькова А. И.
© Издательские решения

Содержание

Вот и всё	6
Когда не нужны слова	7
По-тря-се-ни-е	8
Большая река	9
Растоптали и бросили	10
И не было пути назад	11
В халате моль	12
Милость твоя	13
Я Остаюсь	14
Заблудясь В Виртуальности	15
Горячее	16
ВыЧувства	17
девочка – депрессия	18
Поезд идет в Бейрут	19
Мне не боязно	20
Обессилие	21
У каждого человека в душе дыра	23
Почему уходят любимые?	24
Кофеночь	25
Вернись!	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Большая-река
Лишь бы ты никогда не узнал,
что читаешь сейчас про себя
Алёна Игоревна Пузырькова

© Алёна Игоревна Пузырькова, 2016

ISBN 978-5-4483-2793-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вот и всё

Вот и все. Что ж, пора разводить костры – я таких наломала дров! Мне уже не хватает слов описать, что болит внутри. Там всё драно и сожжено, будто я напилась кислоты, будто я пригубила яд. Слышишь, как на моей груди оглушительно бьет набат?

Всё в себе. А нутро пожирает ржа. Это проще, чем, чуть дрожа, набирая номер, нервно пуская дым, шептать в трубку: «Как ты? Может, поговорим?» Ты, ни слова не говоря, (это сложно себе представить), приезжаешь: «Привет, родная. Знаешь, я принес тебе много горя. Только скажи, куда мне его поставить?»

Сказать, как я тебя забываю? Когда сильно скучаю, я рисую тебя и глажу, будто чувствую твою кожу, и быть может, случайно сглажу, только этим тебя потревожив... Видишь этот весенний бред? Я наверно слетаю с катушек. Для тебя продала бы и душу, но у меня и души-то нет. Видишь, жизнь идет под откос, воз скрипит на своих осях. Ты смеешься: «Не вешай нос. Тогда уж лучше повесься вся!» Ты, конечно, будешь прощен, чуть «обласканный» сгоряча. «Давай, бэйби, пиши еще! Я пока позову врача! А то у тебя голова явно не на плечах!»

Не чувствуешь?.. Так солги! Клянусь, проверять не буду. Я молча отдраю посуду, будто тарелки – мои враги. И вот же ведь не поймешь, о чем ты думаешь на бегу, почему я без тебя не могу, а ты без меня живешь... Ответов на это нет, только голос по проводам. «Ну что, родная, опять у нас все кончено навсегда?» Уже тает последний снег... (Или это мне только снилось?) Но, увы, ничего не случилось. Просто ты стал теперь «как все». Может правда, я забываю все черты твоего лица? Или просто принимаю на веру? Мера есть для всего, только боль не имеет меры. И конец есть всему, только боль не имеет конца. И срок годности есть у всех: человек лишь условно годен. Он, верный своей породе, гниёт от мирских утех.

В голове, задыхаясь и плача,дохнут в конвульсиях мысли. И всё бы «ныне и присно», но ты по мне больше не дышишь. Пусть жизнь нам в нагрудный кармашек положит до счастья билет, до «не было ничего», да и этого тоже нет... Однажды я стану старше, выше, как антенна на небоскребе, и то, что было когда-то фаршем, срастется заново между ребер. А ты мне пока приснишь, я хоть так с тобою поговорю. И там ты, я знаю точно, скажешь мне про «люблю», улыбнешься, чуть-чуть замрешь, как только меня увидишь... Я знаю, что это ложь – себе. Я знаю, что это финиш.

Это личный мой ад&рай, строчки в губы мне ты внушал. Я тебя обязательно разлюблю, только ты мне, пожалуйста, не мешай? Пройдя мимо, смерть проведет по глазам неухоженной рукой.

Мальчик мой, я могла бы в тебе умереть. Но на кой?

Когда не нужны слова

Когда не нужны слова, когда твои затихают шаги,
Мне кажется – да, живу, но что-то болит внутри.
Не пить, не звонить, не ждать, не помнить все то, что «без»,
Зубами не разрывать изнанку твоих небес.

Лакать из бокалов сны, рыдать в микрофон, сипя,
Все песни не о любви, все строки не про тебя.
Валяться в чужом дерьме, носить на плечах цыган,
Рыдая, писать стихи, молясь на пустой экран.

Вымаливать каждый вдох, сшивая три строчки губ, —
Один на двоих кислород, одно лишь сплетенье рук.
Взывая к чужим богам, идти к нему, не любя.
Лишь бы ты никогда не узнал, что читаешь сейчас про себя,

Что болью становится день, что ночь чернее чернил,
Что он стать тобою не смог, что тебя он не заменил...
И как я в антресолях скулю, жальче самой паршивой блохи...
Даже если сейчас не умру, то во мне умирают стихи...

По-тря-се-ни-е

Всё как вчера.

Пыль на полках души, следы грёз, напрасные мечты, несбывшиеся желания...

Да, всё как вчера.

Но в груди будто пробили огромную дыру, в которую со свистом врывается морозный воздух. Ты пихаешь в нее руки, пытаешься вырвать оставшиеся корни, но они отчаянно цепляются за сердечные мышцы и торчат по краям немислимыми проволочными сухожилиями.

И кажется, все вокруг видят твое уродство. Они сочувственно округляют губы и хлопают тебя по безвольному плечу: «Ничего, ничего, всё образуется, вот увидишь...»

И ты правда видишь. Видишь – в дыру как к себе домой заползают чужие эмоции, свиваются внутри тебя в клубки и ждут, что ты и дальше будешь существовать не для, а вопреки.

И ты заполняешь дыру чужими жизнями, ночными кошмарами, едой из холодильника, людьми из постели... И давишься этим перегноем, убеждая себя в том, что всё действительно «образуется».

Оглядываешься назад. Да, всё как вчера.

Только один человек прошел сквозь тебя непродублированным ключом. И только память твоя хранит его черты.

Боль-река

Моя боль-река, две тоски – два берега, да рукав.

Я тебя хороню среди жемчуга теплых снов, да в котомке у старика две краюхи хлеба
и соль на помин души —

все тебе отдам, только не души, не тяни ко дну и не кутай в ил среди водных трав.

Не держи в руках, моя боль-река, тризну черную для своих утех.

Я б ушла, хоть законы твои презрев, хоть последние дни украв, но не знаю, как...

Гнется мак, головой не качаясь в такт, будто тысячу лет не ел... Гнется к пропасти,
к смерти – шаг.

Упокой, моя боль-река, все черты его до своих глубин и до всех потаенных мест, куда
не был проложен мост.

Я устрою ему среди других мужчин одиночеству дань – погост, я поставлю ему не про-
гнивший крест и навеки займу там пост,

оставаясь почти собой...

Только, Боже, пожалуйста, перережь заскорузлый трос!

Лучше прОпасть, чем эта боль!

Растоптали и бросили

Может, так уж положено?
Может, так предназначено?
Было счастье помножено
И бедою означено.
На заре алым пламенем
Вспыхнул ярко небесный край.
Я босою отправила
Свою душу в далекий май.
Там Они не дремали,
Без суда осудили.
Словно в клетку поймали
И, не тронув, убили...
Растоптали и бросили
Псам голодным на ужины...
Счастье бредит по осени,
Дышит вечною стужею...

И не было пути назад

И не было пути назад.
Весь мир забыт и обесценен.
Как в полдень умирают тени,
Так мы ползем дорогой в ад.

Прогнется коромысло дня,
На плечи ляжет тяжким грузом...
И разве будет что-то хуже,
Чем сталь на сердце у меня?

В халате моль

Нет, чтобы просто всё!
И мерою забытой мерить счастье.
Любить – как быть.
И ненавидеть в одночасье.

Разлом.
На стыке лет
Удар!
И млечная тоска заходит в дом.
В постели —
Зло. Век слишком стар.

Не поперёк,
А вдоль он режет язвы.
Опий – в вены.
В халате моль, остыли стены...
И нету больше в них тепла...

И миг в тиши.
Как белый феникс – символ веры
Сгорел до тла.
Я рождена.
Но нет уже во мне души,
Как нету страсти у пантеры.

Милость твоя

Лишними строками жизнь-круговерть замела,
Заметелила
Белыми нитками. И интуиция вновь подвела.
Так хотели мы?

Буквы-ненужности в искренних «я»
Завернуть в нули.
Лишь не забыть это «можно-нельзя»!
Хотя нужно ли?..

Милость твоя ядовитой стрелой
Сердце разит,
Вновь отражая сущность твою
Солнцем в грязи...

Я ОстаЮсь

Я остаюсь.

Я остаюсь, мой родной. Далеко от тебя, за полосой света. Там, где сгущаются краски заката и мелкими шажками накрывает тьма. Я вдыхаю тяжелый, солоноватый запах тускнеющих линий наших судеб, которые протянулись параллельностями за далекий горизонт и поворачиваюсь спиной к ветру. Мне все еще кажется, что порывы ледяного воздуха приносят с собой легкий запах твоего одеколona.

Я остаюсь.

Снова наедине с собой. По взлетной полосе неторопливо проплывают пузатые авиалайнеры, а я смотрю невидящими глазами в застеколье. Окаменевшая. Застывшая. ...Железная птица легко отрывается от земли и набирает высоту. И ты так же оторвался от меня. Чинно чмокнул в щеку, впорхнул в свой лучащийся помытыми боками «Мерс», вклинился в бесконечный поток машин на Каховке и, набирая скорость, превратился в смазанную точку...

Я остаюсь.

Наверное, напрасно жду звонка. Сама в назначенный день не набрала твой номер и тем самым поставила точку. Но если бы я тебе была нужна, думаю, ты бы сам позвонил. Просто затем, чтобы узнать, что случилось и случилось ли что-то вообще.

Я остаюсь.

И больше никто не будет для тебя занозой в сердце. Кто еще так, как я, умеет западать в душу?.. Я привыкла к тому, что никогда не получаю взаимности. Это норма в моей жизни. Так уж я устроена – всегда хочу того, кто моим никогда не станет. Так и ты – всегда будешь Моим Несбывшимся.

Я остаюсь.

Там, где тебя нет. Там, где нет вообще ничего человеческого. Где не становятся менее яркими воспоминания и то, что мы называли Счастьем, меняет ориентиры... 11000 над землей. Белая пелена облаков. А под ней – ты. На этой грешной земле. Среди миллионов людей. Спасибо за то, что ты есть, родной. За то, что ты был в моей жизни.

Я остаюсь собой.

Заблудясь В Виртуальности

Мы с тобой оторвались от вечности,
Заблудились в пустой виртуальности
И гонимые ветром беспечности
Уравнились в вуали банальностей.

Где исход, где начало отчаянья?
Безысходность словами не лечится.
Обстоятельства жизни случайные
Не дают нам нечаянно встретиться.

На экран в чёрно-белые связности
Рядом буквы выводит сознание.
Вот бы нам – да пол шага до разности,
Чтоб никто не устроил дознания.

А мерцание жизненных символов
На мгновение вдруг остановится...
Даже если захочешь найти меня —
Всё равно уравнение не сходится.

Горячее

Что же происходит? Я таю, таю, как льдинка при мысли о тебе. Я, такая, казалось бы, застывшая, неспособная на какие-либо чувства.

Который день схожу с ума.

Хочу быть пластилином в твоих руках. Лепи из меня ту, что достойна тебя! Только вот хватит ли материала?.. По крупичкам собирай в единое целое те части меня, что живут врозь: тело, душу, разум, чувства...

Накричи на меня. Назови дурой и скажи, что вся моя жизнь – это фарс; что всё, что я делала или собиралась сделать – все происходило в бездумном ожидании тебя. Схвати меня за плечи и вытряси остатки гордости и сарказма. Ведь ты же знаешь, что вся моя бравада, насмешки, привычка унижать и вытирать о других ноги – все происходило от того, что рядом не было тебя. Тебя, способного поставить меня на место... Того, кто действительно сильнее меня во всех смыслах. Тебя... Которого я не дождалась. Да. Я не могу переписать свою жизнь. И сожалеть о том, что было, не могу.

Ты есть. Но я все равно отрекаюсь от тебя. Могу взять, но... Не беру. Наверное, мне просто страшно? Неужели я боюсь? И этот первобытный страх на веки поселился в моей душе. Страх приобретения и потери. Потому что я знаю, ничто не может продолжаться вечно. Тем более то, что не имеет формы и веса.

Мне снятся сумасшедшие сны. Напряжение нарастает. Дрожь. Вдохи... Выдохи... Смятение... Все это только витает в воздухе. Флюиды скрытой страсти передаются от тебя ко мне – и обратно. Мои мысли потеряли свою различность. Однородность мышления угнетает – Ты. О Тебе. К Тебе. С Тобой... Химическая реакция одного организма на другой. Или?...

Я говорю ни о чём. Ненужные слова, словно зимняя одежда, скрывающая горячие тела. Шелуха. И когда она слетит – останусь Я. Дрожащая, обнаженная, покоренная... Твоя.

ВыЧувства

Минорными нотками звучала музыка этой ночи. Тени пугливо жались по углам, а я прижимала тело к одеялу.

«Все сегодня одно... действительно» – пробежали пальцы по клавишам.

Да.

«Здравствуй, Жизнь. Как жить, если быть и не быть?»

На раз-два-три закончены все разговоры. И даже молчать неловко не о чем. И разошлись.

«Все сегодня разнооножды...»

И все мы одиноки по-разному. Но почему, черт возьми, мое одиночество такое разноголосое и многолюдное?!

«И ничего не вяжется!» Ни с тобой, ни с совестью. «Каким еще крючком??» Мне бы руками для начала связать петельки своего немислеформенного чувства-вычувства... Вымученного, беспочвенного...

«Здравствуй, детка, ты попала...» на иглу его солёно-ломкой боли. Слушай теперь ноты, которые он крючками-царапинами волшебю исторгает из твоей груди...

«С лушай

Т еперь...

О днодейственный

Н овозавет...»

И пиши... Хвалебно-черничные оды губами-теплом...

«Здравствуй, Жизнь... Ты снова ушла от ответа...»

девочка – депрессия

разбивать тоской себя на атомы,
резать осколками нечаянно...
больше ты не ставишь ультиматумы,
девочка-холодное-отчаянье?

сердце батареями не греется,
леденя, вновь перебивается.
он в твою судьбу уже не вклеится,
девочка-чье-счастье-осыпается?

смс – иголки, мысли – мячики
не приводят больше в равновесие.
по кому гуляют твои пальчики,
девочка-осенняя-депрессия?

и уже не снится мне прощание,
и магнитный плюс не тянет к минусу...
ты меня найди в своем молчании
тараканом, сдохнувшим за плинтусом.

Поезд идет в Бейрут

Двадцать ноль-две. Время пришло – поезд идет в Бейрут.
Зря ты поверил в эту любовь – люди нещадно лгут.
Я не умею прощаться и ласковых слов не жди:
Это паршивая штука – жизнь, и в ней всегда дожди.
Лужи растут, под ногами грязь, стоит ли говорить,
Что благодарна тебе за все, и что ты сможешь жить
И без меня? Ты, ухмыляясь, смотришь так горячо...
Но умирает бессмысленно, тихо ангел твой за плечом.
Ну же, скажи мне, что я такое, где же твои слова?
Сделай хоть что-то, пока не закрыта эта пустая глава?
Но сигарета мелькает в ладонях, руки дрожат... курить...
Мне бы не взвыть тут при всех, родная... Куда уж мне говорить.
Двадцать ноль-две. Время застыло. Поезд идет в Бейрут.
Ты меня никогда не любила – люди, бывает, врут.
Сколько же ждет меня впереди черных, сырых ночей?
Если ты будешь когда-то «чья», то я всегда – «ничей».
Разбиты надежды, размыты дороги. Рвется под кожей пульс.
Жить без тебя – невозможно, нелепо, больно. Но я научусь.
Только бы ты была счастлива, милая, первая встречная... боль.
Только бы ты была счастлива, милая, пусть даже не со мной.
Нет, я не чувствую больше сомнения, да и оно зачем?..

...Вдруг просыпаюсь. А ты так доверчиво спишь на моем плече.

Мне не боязно

Полёты/перелёты/вылеты... Нажать курок и – выстрел по вискам. Туманы Лондона и слякоти по «был ли ты». Ошибочно. Сиэтл. Ночь. Тоска.

Настойчиво/пристойно/неукладчиво сбегают чемоданы с «багажа». Вся дурь билетов – файлопередатчиков, бумага размалеванно-свежа.

Гори, гори оно все днем негладким! Лечу на взлет. Посадка в пол часа... А за окном – нечаянно/разгаданно стоишь и ждешь в тепле-пыли плаща.

А я вернусь. Сегодня/завтра/поездом прошедшие открытки теребя. Наверное, всё сдохло/мне не боязно... Наверное, мне пусто без тебя.

Обессилие

Написать тебе? Но о чем? Ты ведь прекрасно знаешь, что я не умею просто и красиво писать об обычных вещах. Только надрывно, болезненно. Мой внутренний мир пуст и черен как сажа – оттуда ничего красочного не выходит. Только серая, тягучая безнадежность.

Я не могу писать о прошлом. Когда я это делаю, то чувствую себя старой сломанной куклой, которой выкручивает суставы малолетний бездельник. Все глаголы неожиданно пропадают и остается только странная, ржавая струна, тренькающая на одной унылой ноте: больно, больно, больно...

Нет, конечно, со временем эта боль становится повсеместной, постоянной, как зубная. С ней срастаешься, приучаешься жить с ней как с чем-то нормальным. И она больше не сводит с ума. От нее больше не хочется лезть на стену, писать грустные стихи, так пугающие маму и изображать из себя Электроника, который ничего не чувствует и никогда не плачет.

Знаешь, я никогда не требовала в своей жизни присутствия другого человека – любой человек, подошедший слишком близко, всегда воспринимался мной как досадное недоразумение, помеха, аномалия, соринка в моем безупречном глазу, в конце-концов... Потому что состояние одиночества для меня нормально. Оно заложено в меня природой. Я не считаю его неестественным. Да-да, бывают еще на свете люди с таким вот психологическим уродством. Такие как я выживают на необитаемых островах и не только не сходят с ума – они даже не сбиваются с мысли. Было бы что пожрать! А поболтать и с собой можно, если уж очень захочется.

Я не умею говорить о настоящем. Как-то это вымученно получается. Даже самые веселые моменты приобретают оттенок легкой меланхолии. Моменты душевного подъема сменяются какой-то серостью, депрессивностью, нио чемностью...

Я люблю летное поле. Аэродромы. Готова гулять часами, смотреть часами. Как легко и красиво приземляются самолеты, как устало и тяжело карабкается в небо старый, огромный, потрепанный борт «Трансаэро». Как ползет на свою стоянку «ЭйрСатана». Как серое самолетное пузо пронесется прямо над твоей головой, и ветер уносит твою шапку...

Я не умею писать о других людях. В моих текстах счастливые люди выглядят не так уж счастливо. Даже вон та парочка, что зябко жметя друг к другу на лавочке в парке – он обнимает ее, а сам провожает взглядом каждую мимо проходящую юбку.

Никому, никому нельзя верить. Особенно тому, кого, как тебе кажется, ты любишь. Все они предают. Все уходят. И не оставляют тебе ничего, кроме горечи и неумения жить в одиночестве, в половину себя, в половину сердца, в половину души.

Рассказать тебе о том, как умирают близкие, родные, незаменимые? О чувстве неизбежности, неизменности, неизбежности? О понимании и отрицании этого факта? О пяти стадиях скорби: неверии, гневе, депрессии, осознании и принятии? О чувстве глубокого вакуума, в котором ты вязнешь, как в грязи?

Рассказать о том, что делает нас человечнее? Или вовсе лишает нас этого качества? Нет, вовсе не наши поступки, а наше восприятие действительности. «Я воспринимаю это так – поэтому я чувствую то – потому я делаю это.» Не иначе. «Я воспринимаю мир как огромную тарелку супа, поэтому я чувствую себя рыбой и всплываю кверху брюхом.» «Нет ничего хуже, чем быть жестоким к своим близким, но ко мне были жестоки, я чувствовал боль и хочу, чтобы они ее тоже почувствовали.»

А ты знаешь, что от стрельбы из классического лука пальцы стираются в кровь, как от гитарных струн? Что ночь еще более черна в лесу, в самой его глубине, когда кроны деревьев закрывают все небо? Что лошадиная шерсть пахнет молоком, а лошадиное молоко – шерстью? Что даже самое необъятное чувство измеряется временем его присутствия в нашей жизни?

Что у всего самого лучшего есть конец. Черта. Рубеж. Последний предел. За которым только голые чувства: обессилие, обезножие, обескровие, обескожие.

Вот тогда не остается ничего, кроме пустоты внутри тебя. Еще одного уродства, еще одной дыры в фундаменте твоего постылого душевного мирка, который кто-то считает богатым и цельным. А на самом деле там пусто. И все, что наполняет его, тоже эфемерно: эхо чужих слов, чужих чувств, чужих поступков. Вот мы и подошли к главному уродству моей сущности: неспособности полноценно чувствовать что-либо, воспринимать мир и людей. Неспособности быть собой.

Я пуста.

И ты все еще хочешь, чтобы я писала тебе?

У каждого человека в душе дыра

«У каждого человека в душе дыра размером с Бога, и каждый заполняет её как может...»

Я, например, заполняю дыру символами. Они могут быть электронными, а могут – чернильными. Электронные улетают в даль интернета, а чернильные уходят в стол, окрашивают сердце долгими пыльными вечерами. Всё, что электронно-неявственно мыслями просачивается в чужие умы, больше меня не трогает и почти не волнует. Самое страшное всегда вытекает черной взвесью на бумагу, превращаясь в чернила едкой стойкости, буквы горько-сильные, мысли черно-белые, чувства неистертые...

Я пачкаю пальцы в этих чернилах, оставляю следы на бумаге, лице, губах...

Мое лицо хранит отпечатки, которые не смое даже время.

Почему уходят любимые?

Почему уходят любимые?

Близкие, дорогие? С которыми нас связывали радости и горести; которые любили, не смотря ни на что и вопреки всему?

Почему? Когда после утреннего поцелуя прошло всего несколько часов, но шкаф уже пуст, и даже любимые старые тапочки не забыты... Что изменилось?

Неужели прошли чувства? И это не спонтанное, а холодно продуманное решение?

Почему уходят любимые?

И мы идём. По чужим адресам, по лезвию крыш, по щемящей тоске и непроходящим нарывам обиды. Мешаем скупые соленые слезы с сигаретным дымом и вопросами-мыслями, на которые никогда не получим ответы.

Почему же уходят любимые?

И слушая ночь, мы купаем в лунном свете свои отравленные чувства. Набираем до боли знакомый номер для того, чтобы бездушный электронный голос сообщил, что любимый абонент теперь недоступен... Всё.

Теперь открыты все пути одиночества.

Почему уходят любимые?

Кофеночь

Кофеночь.

Очередная доза маразма на кончиках моих пальцев, бегающих по клавишам.

Я снова запуталась. Ничего не понимаю. Но!.. Знаю точно: ты мне объяснишь. обстоятельно, твердо, уверенно, взвешенно, мудро. Все расставишь по своим местам. И не по своим тоже. Отшутись. Завернешь мысли в вуаль непримечательных фраз, которыми я потом буду дышать.

Это превращается в зависимость.

Но неверие живет и множится внутри. Все это когда-нибудь закончится, как и все хорошее. И как все плохое. И придет оно – равнодушие. Чувство среднего рода, без вкуса и эмоций. Не-хо-чу!

Грань – я снова взвешиваю свое «Я». Дрожащие буквы ютятся по углам страниц. Никому ненужная, бесцельная мазня!!! Но приходишь ты, и я снова понимаю, что ошибаться иногда так приятно...

Горит ночник. Темнота настороженно смотрит из углов. И ни души. Ни одной. Моя не в счет – она давно выпита и выжата, потому уже не может считаться цельной. Воспоминания... Все то, что достойно могильного холма на задворках сознания, выползает наружу, зажимает в тиски одиночества... И когда нет уже сил сопротивляться, я набираю в браузере знакомые буквы и расслабляюсь: даже если тебя там нет, есть что-то словесно-весомое, что ты обязательно мне оставил...

Сейчас. Сегодня... Завтра? И это самое страшное... То, что будет ПОСЛЕ. И будет ли? Я пока не знаю.

Вернись!

Уже будто вечность без тебя...

И я гасну как свечка, плачу, царапая веки жидким воском. Человек не может столько чувствовать, он просто сойдет с ума! Не удивительно, что мне всё хуже и хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.